

Шутка Одина

Автор:

Денис Смердов

Шутка Одина

Денис Смердов

С самого рождения мы стоим перед выбором. Для нас свобода – это выбор. Этот выбор мы определяем сами, опираясь на свой опыт и свои знания. Во всяком случае, мы так думаем. Какая свобода может быть у человека, когда судьба его в руках Сверхсущества, а то и нескольких таких существ? Эпоха Темного Средневековья – это время борьбы за души и веру людей. Боги старые и Боги новые, не имея возможности сражаться друг с другом непосредственно, делают ставку на героев, давая им возможность стать своим знаменем в мире людей. И не всегда эти герои могут отказаться от такого Дара. Торстейн – секонунг, военный вождь, по воле богов потерявший всю свою команду и обреченный своим народом на изгнание. Не знает о своих способностях пока не встречает Оборотня-берсеркера. Гуди – бонд и землепашец. Потерял двоих братьев в последнем походе Торстейна. Жаждет мести и получает дар для ее исполнения. Враги или друзья? Одаренные или проклятые? Свободные... или рабы? Содержит нецензурную брань.

Глава 0. Золотые Чертоги

Гладсхейм – то пятый, там золотом пышно Вальгалла блещет; там Хрофт собирает воинов храбрых, убитых в бою. Легко отгадать, где Одина дом, посмотрев на палаты: стропила там – копья, а кровля – щиты и доспехи на скамьях. Легко отгадать, где Одина дом, посмотрев на палаты: волк там на запад от двери висит, парит орел сверху.

Старшая Эдда "Речи Гримнира" (8-10)

Дверей пять сотен

и сорок, как помню, —

в Вальгалле есть:

в дверь каждую восемь

воинов сотен

выйдет на битву с Волком

– Отец, он всегда на шаг впереди! Он вытеснил нас на Север! На самый край мира. Нашего Мира! – молодой Бог ходил из стороны в сторону по золотым чертогам. Густая борода цвета меда, заплетенная в косички, стучала бусинами по доспеху в такт шагам. На широком ремне из кожи с золотыми вставками висел молот, с несоразмерно короткой рукоятью.

– Да, сын, – одноглазый старец качнул головой, отрезал кусок мяса от огромного жаренного вепря и отправил его в рот прямо с кончика клинка.

– Мы что, не можем его просто убить? Ты убил Имира, отец! Основателя всего сущего! Убил и создал девять Миров! Что может этот бестелесный призрак, кроме как присылать своих пророков!?

– Ты не понимаешь? – старик изогнул бровь над единственным целым глазом. – Он может многое. Он привел под свою руку самое ничтожное племя, на которое мы и внимание не обращали. Показал пару чудес с мором и накормил голодающих бездельников. Все. С этого момента мы начали проигрывать. Началось с маленького народа, а закончилось тем, что мы ютимся на самом краю Мидгарда и ждем своей участи. У нас есть еще восемь миров, но что они значат без Мидгарда? Где я возьму эйнхериев, что пойдут со мной в Рагнарек? Боюсь, что и Рагнарек не наступит. Просто не успеет.

– А что говорят тебе твои вороны?

– Ничего. Они его просто не видят. Его нет. И мы не можем просто убить его именно потому, что я не могу метнуть свой Гунгнир в того, кого нет.

– Но он есть! И он уничтожает нас!

– Да, сын, – еще один кусок отправился в рот старику.

Тор (а это был именно он) остановился. Сделал он это так резко, что даже Один от неожиданности перестал жевать.

– Может тебе еще раз разбудить Старших норн? – Тор сам не ожидал от себя такого... Но сказанного раз – не воротишь.

– И как давно мой хоть и старший, но все же СЫН начал указывать, что мне делать?

– Прости, Всеотец. Но я хочу действовать.

– Прошли времена, когда мы могли напрямую действовать среди людей. Сейчас мы слабы как никогда. Но я уже решил, как поступить. И такого Пришелец не ожидает. Мы будем действовать, как он.

Тор поперхнулся.

– Мы начнем творить чудеса? Лягушек с неба кидать или убьем первенцев в каком-нибудь небольшом государстве?

– Не смейся. Для нас с тех событий прошло мгновение, а для людей – почти тысяча лет. Это десятки поколений. Нет. Этим мы заниматься не будем.

– Тогда что?

– Увидишь.

Старик встал из-за стола. Нарочито медленно. Потеребил за ухо гигантского волка, все это время сидевшего рядом. Сделал пару шагов в сторону одного из

столбов, попирающих своды Чертога, и вдруг резко выбросил вперед руку, что-то схватив. Сквозь пальцы Одина, сжимающие воздух потек черный дым. Вначале медленно, а потом все быстрее. Закружился вихрем и начал принимать образ высокого красивого мужчины с тонкими чертами лица. Прошло мгновение и перед Асами предстал Локи. Длинный узкий нос. Насмешливый взгляд. Длинные, почти до золотого пояса, медного цвета волосы.

– Здравствуй, Отец. Здравствуй, Тор. А что у вас тут за секреты?

– Ты знаешь, – Один, еле сдерживал себя от того, чтобы не свернуть эту цыплячью шею. Локи – на половину великан, однако среди Асов он больше напоминал Альва – переростка. Слишком стройный и красивый. От великанов ему досталась жестокость и стихийная непредсказуемость. Это качество толкало Локи на такие проступки, за которые одно наказание – смерть. Но он всегда выбирался с выгодой не только для себя, но и для остальных Богов. А еще Один помнил о Предназначении. Локи должен уничтожить мир... и его.

– Я знаю, что нужно делать! – Локи с детской невинностью похлопал белыми ресницами, переводя взгляд с Тора на Одина.

– Отец, все его выходки с этого начинаются. Не слушай его! – Тор готов был сам придушить Хитреца.

– А заканчиваются они вот этим и этим. И этим... Я могу еще долго продолжать. – Один указывал длинным узловатым пальцем, то на Мьельнир – молот Тора, то на волшебный пояс, то на рукавицы Тора, дающие силу держать молот. Это все подарил им Локи.

– Хорошо. Я понял, – огромный Тор, который был больше похож на великана, чем Локи, как ребенок опустил голову. Плечи поникли. И, кажется, он сейчас заревет, размазывая слезы по небритым щекам.

– Не плачь, малыш-Тор, – сказал Локи, смахнул слезу с щеки Аса, привстав на цыпочки. Вокруг Тора начали сверкать молнии, а над головой собрались натуральные грозовые тучи.

– Ты что-то хотел сказать? – Один пригласил Локи за стол. В бороде он спрятал улыбку, а сам пытался следить за каждым движением этого рыжего весельчака.

Тщетная попытка понять, что он задумал до того, как задуманное совершится.

– Отпусти сына моего – Фенрира. Не пугайтесь так! Он там походит, поубивает людишек, найдет всех этих Пророков и уничтожит их. А потом мы его обратно прицепим. Один раз смогли, еще раз сможем.

– Только Тюр ради этого отдал свою руку, – Один качает головой, не веря своим ушам.

– Ну у него еще одна есть, – Локи с невозмутимым видом сорвал виноградинку с огромной грозди, лежащей прямо на столе. Внимательно ее рассмотрел. И ловко закинул в рот. Всеотец и Тор услышали, как сочно лопнула виноградина, и Локи зажмурился от удовольствия.

– Ты слишком близко к сердцу принял мои слова о том, что мы Рагнарек не дождемся. Решил устроить его раньше? – Старик нервничает, но старается не показать своих чувств.

–А когда – это вовремя? У меня нет твоей мудрости, – Локи молниеносно менялся в лице: то он весел, то серьезен, как сейчас, то опять веселится. – Да я и не слышал ничего! Вот только что пришел. Смотрю тут два высших Аса стоят. Беседу ведут. А я кто? Я так... Приживала. Рад был повидаться. До встречи! Локи повернулся вокруг себя и исчез.

Один внимательно огляделся, но не нашел больше ничего подозрительного.

– Тор, сын, следи за ним. Если потребуется, стань ему другом. Не думаю, что это будет сложно, вы вместе прошли испытания Утгард-Локи, Локи связался с цвергами, создавая Мьельнир... Он старается помочь, но его сущность все извращает и Локи приходится исправлять содеянное.

– Хорошо отец. Но я убью его до Рагнарека. Чего бы мне это не стоило. Я не знаю, что нашептывают тебе твои старые вороны Хунин и Мунин, но предназначение – это троллячье дерьмо. Я не допущу конца нашего мира ни от этого пришлого бога, ни от нашего Локи. Я найду способ уничтожить обоих. И мне не нужно строить сложные планы и конструкции. – С этими словами Тор ураганом вылетел из зала.

– Старость и винные возлияния всегда победят юность и горячность – Один хрюкнул, изображая смех. Подошел к столу и взял бокал вина. Другая рука уже отрывала огромный кусок мяса от бока кабана.

– Это мы ещё посмотрим, – прошептал Локи. Его улыбка не предвещала ничего хорошего ни Асам ни Ванам ни монстрам Утгарда... Всех ждала обещанная когда-то смерть.

Глава 1. Слишком много удачи.

У моря иногда хороший характер, иногда плохой, и невозможно понять, почему. Ведь мы видим только поверхность воды. Но если любишь море, это не имеет значения. Тогда принимаешь и плохое, и хорошее...

Туве Янссон

Этот поход – последний в этом году. Скоро встанет лед и все набеги закончатся. Он должен быть быстрым и прибыльным. Иначе я останусь без средств к существованию и без своего Змея – корабля на два десятка весельных пар. Это очень хороший корабль. Он носил еще моего отца по всем морям, что известны нашему народу. Не мне терять его, особенно за долги.

Птичка принесла на хвосте интересную историю. Вроде бы, где-то за морем, в землях англосаксов есть монастырь, который все почему-то обходят стороной. Сотни викингов ручьями растекаются вдоль берегов блаженной Земли Бриттов, и ни один не позарился на этот монастырь. Видно, Боги берегут его для меня. Да и птичка та сгнула сразу после разговора. Нашли на берегу с выпущенными кишками. Я только пожалел, что не мне пришло в голову сделать это. Видно, кому-то еще он напел об этом монастыре, надеясь на награду. Вот и получил то, что заслужил. А мне теперь нужно еще внимательнее следить за горизонтом не только впереди, но и позади корабля. Этот поход – особенный. Я чувствую это.

Мы – дети Одина не боимся опасностей и ждем смерти, как любимую на свидании. Но тут все было иначе. Прежде чем напасть, мы, высадились за мысом вне обзора монастыря. Переждали какое-то время, не удаляясь от берега пока наши разведчики исследовали подходы к стенам и их оборону. Ушли Гудред и Гудбранд – братья Эйнарссоны. В этот поход вышло двое, но был еще третий брат – Гуди – трус и размазня. Он никогда не ходил в походы. Парни даже пошучивают, что у него растут сиськи и борода осыпается. Но все шутки прекращаются, когда появляются Гудбранд и Гудред. Не простые это бонды. Прирожденные воины. Ходят слухи, что они – ульфхеднары, ибо в бою неустойчивы, быстры и невероятно опасны. Вот и проверим.

Солнце только перевалило пик, а братья уже вернулись и не с пустыми руками. Притащили с собой мальчишку. Грязный, ободранный и забитый. Раб. Такой взгляд теперь не вытравишь даже каленым железом.

– Кто ты? – Я знаю несколько слов и выражений на языке англов, которым меня научил еще покойный отец. Что-то я уже освоил и сам за несколько походов.

– Аеск, господин. – Пробормотал пленник. – Я все сделаю! Не убивайте меня! – Малец попытался броситься ко мне сразу распознав вождя, но его крепко прижимала к земле рука Гудреда, пока Гудбранд чесал небритую щеку секирой.

– Это знак, Торстейн. – Так перебить меня мог только один человек. Кнуд Вороний Клюв – старый соратник и лучший рулевой из существующих.

– Какой знак? О чем ты? – я вдруг почувствовал что-то знакомое в звучании имени мальчика, но никак не мог вспомнить что именно.

– С языка англов его имя переводится, как Ясень. Не могли боги послать нам мальчика с именем Священного дерева, чтобы мы его просто убили. Оставь ему жизнь.

– Хорошо, но под твою ответственность. У тебя всего один глаз, старый друг, не проворонь. – я старался не смеяться, но Кнуд обладает острым умом и все понимает.

– Не провороню. Давай-ка уже узнаем, что он нам принес, пока парень сам не помер... От страха. – Со всех сторон посыпались смешки. Воины уже не могли

сдерживаться и старались теперь просто не заржать во весь голос.

– Сколько воинов? – я ткнул пальцем в ту сторону, откуда его притащили.

– Много, господин!

– Сколько?!

– Вот столько и столько. – Мальчишка начал сжимать и разжимать пальцы на обеих руках. Когда он остановился, я успел досчитать до пяти.

– Пять десятков. Много... Гудбранд, что ты видел?

– Всадники – трое, пеших два десятка и какие-то бродяги с плотницкими топорами, вилами и дрекольем. – Гудбранд перечислял врагов, не меняясь в лице. Его, похоже, волновал вопрос “где враги”, а не “сколько их”.

– Тогда все несколько интересней. – настроение начало подниматься. Я не боюсь смерти. И мои вои тоже. Но не просто так я слышу самым удачливым вождем. Я не люблю терять бойцов. Эйнарссоны единственные новички в отряде и сегодня их первый бой под моей рукой.

– Расскажите, мне все, что увидели, а потом мальчишка расскажет нам обо всех тайных тропах. Такие мелкие проныры всегда знают все узкие лазы.

И они рассказали.

Монастырь стоит на возвышении. Более того, он на острове, но нам повезло и сейчас вода сошла и остров соединен с материком узкой тропой. С другой стороны, к нему не подобраться незамеченным. Монастырь с трех сторон окружен стенами. Низкими и ненадежными, но стенами. Если на них окажется пять десятков воинов, мы умоемся кровью. Придется в Валхалле рассказывать, что пали от рук защитников монастыря. Позор. Но есть четвертая сторона и она защищена еще пуще прочих. Стена монастыря выходит на обрывистый утес, к которому не подобраться ни на корабле, ни на лодке, не разбившись о камни. Мы не трусы, но и не самоубийцы. Меня частенько упрекают, что я слишком осторожный для вождя и думаю больше, чем нужно. Вот и сейчас, смотрят

исподлобья и не понимают, какого йотуна я жду, когда можно пойти и взять все, что нам принадлежит по праву силы. Но я не жажду потерять своих бойцов в этом походе, как не жаждал терять до этого.

Я огляделся. Все смотрят на меня и только Кнуд о чем-то переговаривается с нашим пленником. И с каждым словом этого щебечущего воробья наш старый ворон расцветает и расправляет плечи, как крылья. Я поймал вопросительный взгляд старика и кивнул в ответ.

– Говори.

– Ясень готов выкупить свою жизнь, Торстейн.

– ?

– Он говорит, что солдаты не просто так пришли в монастырь. Они привезли десятину. Это – деньги. Десятая часть доходов каждого честного христианина в округе. – При упоминании золота мои войны начали дуреть и потеть от возбуждения. Дай им сотню баб – даже не посмотрят.

– Но это не делает монастырь беззащитным.

– Мальчик сдаст нам монастырь, если мы возьмем его с собой и позволим ему зарезать аббата. – Воины загудели. Кто-то вопросительно и недоуменно, а кто-то – одобчительно.

– !? – Я окончательно был сбит с толку.

– Он говорит, что со стороны моря есть тайная тропа в скалах, которая спрятана в камнях и с моря ее не видно, но она вьется от небольшого залива, скрытого в изгибах скал, размытых морем, до маленькой дверцы в стене монастыря. Эта дверца в винный погреб, оттуда есть проход в скрипторий, где монахи пишут книги, а дальше монастырь – наш.

– А не похоже ли это на ловушку? Уж больно просто это все выглядит.

– Нет. Монастырь выдержал несколько осад за последние десять лет. И никогда никто не находил эту тропу. И мы бы не нашли, не попадись нам в руки это малец. А помогает он нам потому, что аббат – старая свинья, насилует мальчишку чуть ли не каждую ночь. И когда все братья заканчивали молитву словами “Господи избави нас от гнева норманнов. Аминь”, он молил от том, чтобы мы пришли и вырезали тут всех поголовно. Потому как все знают об этом, но молчат. Аббат страдает головными болями и в припадке может забить до смерти.

Аеск переводил взгляд с одного на другого и ничего не понимал. Только слово “Аминь” его задело, и он перекрестился. Чем снял напряжение, возникшее в лагере. Викинги жестоки, эта жестокость необходима, ради наших побед. Сегодня мы разделяемся с сотней монахов, а завтра нас будет бояться и ненавидеть тысяча. Мы побеждаем задолго до боя, заставляя врага трястись от страха и делать ошибки. Но никогда мы не станем насиловать ребенка, мальчишку, которому от силы одиннадцать зим. У большей части сидящих тут дома ждут сыновья. И от скрежета зубов, сведенных в бешенстве после рассказа, птицы поднялись с веток по всей округе.

– Если ты ему откажешь, я сам притащу этому молодому воину его врага на расправу. – Это сказал Турсе. Голос его был низок и густ, как мед. Все любили и уважали этого огромного балагура и шутника. Но сейчас рядом был зверь, способный раздавить череп человека сжав его ладонями. Видели. Было такое.

– Торстейн, это еще не все. Аеск говорит, что завтра воскресенье.

– И что?

– В воскресенье все честные и праведные христиане идут на воскресную службу. Они закрываются в храме и поют песни своему Мертвому Богу. Опасаться им нечего. Нас никто не видел иначе тут бы уже стоял отряд воинов, а монастырь ушел в глухую защиту. Поэтому, мы просто обязаны их удивить.

– Отлично. Сейчас готовимся, проверяем оружие и снаряжение. Выходим затемно. К собачьему времени мы должны быть на тропе. Как только начнется служба, мы, молча и без шума пробираемся в центр монастыря и разделяемся. Эйнарссоны берете пятерых и запираете молельный зал. Следите, чтоб никто не вышел и не зашел. Ягге, берешь на себя лучников и присматриваешь за двором.

Вдруг какой-то монах окажется не столь праведным и безгрешным и пропустит молитву. Кнуд, ты мудр и знаешь языки. На тебе – склады и скрипторий. Ищи дорогие книги и золото. Заодно, присмотри провиант на обратную дорогу. Я же с остальными пройду по кельям и столовой. Собираемся на площади перед молельней, и все вместе врываемся внутрь. Аеск идет с нами. Раз он помог нам, то и мы поможем ему. Видно, малыш, твой бог тебя не слышал, но услышали наши.

Когда я говорил бойцам, чтобы они проверили оружие, я лукавил. Викинг скорее жопу забудет подтереть, чем даст появиться пятнышку ржавчины на секире или щербинке на мече.

Эйнарссоны спали, прислонив свои чудовищные секиры к стволу поваленного дерева. Все остальные тоже так или иначе готовились отойти ко сну в ближайшее время. Я же собирал волосы и бороду в косы. Не хватало еще подохнуть из-за намотанных на чей-то меч волос. Все решено и оговорено дважды. Проверил часовых. Все в порядке. Все на местах. Завтра мы станем или богаты и знамениты или мертвы.

Утро началось с тихих скрипов кожаных поясов и пыхтения. Бойцы начали просыпаться и готовиться к выходу. Костров не разводили. Поели немного сушеного мяса с сыром, запили водой и двинулись в сторону драгоценного сундучка, к которому, кажется, нашелся нужный ключик.

Двигались в сумерках. Небо только-только начало розоветь. Из рта шел пар и в низинах стелился туман, скрывая нас. В который раз убеждаюсь, что Один нас бережет. Когда победим, принесу ему такую жертву, какую никто еще не приносил.

Благодаря туману и богам его наславшим, мы прошли незамеченными до самого подножия утеса, на котором, как гнездо гигантской птицы раскорячился монастырь. Мальчишка не обманул. Мы друг за другом двинулись вверх по извилистой тропе, уходящей к белеющему пятну стен. Прибой внизу скрывал шум наших шагов, но он не сможет скрыть стаю чаек, осевших на скалистых выступах, если те испугаются и крикливой стаей взмоют в небо.

Уже подходя к заветной дверце, кто-то из бойцов вспугнул-таки чайку и та, открыв клюв, начала бить крыльями и орать. Но это продлилось всего миг,

потому как Ягге – лучший лучник и мерзкий задира, пригвоздил ее к гнезду, пробив зоб и перерезав почти пополам. Я скорчил злую гримасу недотепа и двинулся дальше. Вперед, только вперед. Перед дверцей была небольшая площадка, на ней естественно все не поместились, но небольшой совет мы провели. Напомнил вчерашний порядок и предупредил о воинах, чем заслужил недоверчивые взгляды и бормотание Двух Братьев. Эти йотуны начинают меня злить. Пришли ко мне проситься в команду как к самому удачливому вождю, потому как я почти без потерь возвращаюсь из походов и всегда при деньгах. Неплохо слухи расходятся благодаря песням могучего Турсе. А теперь эти двое раздражают меня своим похрюкиванием на каждое мое распоряжение. Надо будет их проучить. Если живы останутся.

Только мы закончили, как над монастырем разнесся гул колокола, призывающего братьев во Христе к воскресной молитве. Колокол смолк и стал отчетливо слышен гомон толпы. Казалось, колокол разворошил осиное гнездо и осы, еще сонные, но уже злые метались по округе, выискивая жертву. Но вот гомон стих, “осы” собрались в своем улье и во все стороны, от мыса и до самого горизонта, потянулся многоголосый вой, от которого их Мертвый Бог давно бы уже ожил и вознесся на девятое небо проситься к Одину в чертоги, на Великую Пьянку...

– Вперед!

Мои воины теньями просочились сначала в погреб, оттуда в скрипторий, а дальше растеклись по всему монастырю. Лишь однажды раздался приглушенный вскрик, который быстро прервался. Один из солдат видно проспал службу. Хотя, я не знаю, что могло так уложить здорового мужика, что он не услышал ни колокола, ни этих унылых завываний. Волки в бескормицу, в лютые морозы, воют радостней, чем эти монахи.

На проверку всех помещений монастыря ушло так мало времени, что мы почти сразу и одновременно встретились у входа в молельню.

Кнуд, с улыбкой в седой бороде, показал мне единственным своим глазом на кучу железа, сваленную как попало у входа в церковь. Когда-то это называлось оружием, теперь – железом.

– Они там еще и безоружные чоль? – прошипел один из воинов, стоявший ближе остальных.

– Не покоиться! Собрались! Окажется один с ножом или кистенем в рукаве и чей-то сундук на корабле освободится. Смотрим в оба. Делим монахов от воинов. Знатных – отдельно. Самых смелых и отчаянных не жалеть – резать сразу, иным в назидание. Пошли!

Я первым распахнул двери и сходу метнул топорик в спину самого здорового из воинов, который стоял ближе всех ко мне. Лезвие вошло точно под затылок. Голова не отлетела, но на одного врага меньше. Смерть будет долгой и мучительной. Но это война. Достойной бойни не получилось. И слава Богам. Мою радость разделял только Кнуд. Остальные с презрением смотрели на этих гореваяк, что при виде друзей с пробитыми черепами начали падать на колени и плакать, пуская слюни с соплями попеременно. Парочка даже обгадилась. А про монахов и говорить нечего. Их белые пышные тела тряслись и трепетали от одних только наших взглядов. Отец рассказывал о походах в огненные земли к черным людям. Там в доме для жен правителей жили мужчины, но не совсем мужчины. Оскопленные. Так вот по описанию они походили на монахов, что передо мной.

Не об этом думать надо. У алтаря стоял аббат. Его крест, отлитый из золота, мог бы с легкостью проломить череп одному из нас, возьмись за него нормальный человек, а не этот жрец. Я не спускал с него глаз. Аббат смотрел на меня и повторял на латыни одни и те же слова:

– Pater noster, qui es in caelis,

sanctificetur nomen tuum.

Adveniat regnum tuum.

Fiat voluntas tua,

sicut in caelo, et in terra.

Panem nostrum quotidianum da nobis hodie,

et dimitte nobis debita nostra,

sicut et nos dimittimus debitoribus nostris.

Et ne nos inducas in tentationem,

sed libera nos a malo.

Amen.

– Отче наш?

– Что?! – старик поперхнулся своими же словами.

– Отче наш?

– Да. Знаешь ли ты сыне о Боге истинном? Об Иисусе Христе?

– Ага. Знаю. Он давно умер. И тебе пора к нему? Ты же хочешь увидеть своего любимого бога?

– Не надо. – Тело заколыхалось. Взволновалось. От монаха начало разить потом и мочой.

– Почему? Мы вот мечтаем оказаться у Одина. Там пирушки, битвы и женщины, а что у твоего?

– Ничего. Покой и мир.

– И все?

– Да.

– И ради этого вы бросаете все и уходите сюда?

– Да, сыне. – монах почувствовал себя в своей луже и оживился, надеясь смутить неокрепший ум дикаря.

– Мой отец – свободный человек, воин и вождь, а ты – раб своего бога. Не называй меня сыном.

– ...

– У меня для тебя есть кое-что. Зовите Ясеня.

Воины, что не контролировали пленных и стояли стеной за моей спиной, расступились. Образовался узкий проход, по которому медленно шел маленький худенький мальчик. За ним след в след шагал Турсе, неся в руках свой походный нож. Из-за разницы в размерах, мальчик казался еще меньше и еще слабее и беззащитней. Он шел очень медленно. Молельня погрузилась в звонкую тишину. Только доски пола поскрипывали под тяжелой поступью великана Турсе. Ясень побледнел, кожа стала прозрачной как морская медуза. Глаза вытаращились на аббата и превратились в две белые луны на вечно сером небе моей родины.

Лицо аббата же напротив, стало красным, а потом и вовсе бордовым, что штаны Ягге, которыми тот очень гордился. Старик трясся, как рыбный клей. Он уже все понял.

– Аеск, малыш, где ты был? Мы так все волновались. – Пот струился по лицу и стекал, смешиваясь со слезами, по подбородку и шее куда-то под рясу. На груди и спине росли черные пятна, вонь от него стала просто нестерпимой.

Ясень остановился. Вся его решимость таяла на глазах. Я уже принял для себя решение оставить мальчишку, если он сделает то, что собрался. Но тут он засомневался. Если отступит, признает себя рабом. Турсе, с присущей ему прямоотой, просто подтолкнул парня вперед и подпер его сзади, не давая шансов на отступление

Монах бормотал что-то неразборчивое. На подбородке висела вязкая слюна, тряслась вместе с тремя другими подбородками старого мужеложца. Какой же он жирный!

Турсе, стоя за спиной Ясеня, вытянул перед ним руку, в которой он за лезвие держал клинок. Тем самым он предложил мальчику выполнить то, что он должен был сделать. Сам не веря себе, Ясень медленно, двумя руками взялся за рукоять, обмотанную акульей кожей. Руки резко опустились. Нож оказался тяжеловат для мальчика. Но оружие в руках делится своей силой с тем, кто ее жаждет, а Ясень очень ее желает. Сделав еще два шага вперед, Мальчик оказался прямо перед своим истязателем. Тот вдруг перестал трястись и резко бросился вперед, желая отобрать оружие, но наткнулся лицом на огромный булыжник и отлетел назад к алтарю, у которого стоял все время. Булыжником был кулак Турсе. Он все так же стоял рядом с мальчиком. Эта выходка отрезвила Ясеня. Последние сомнения развеялись, и он бросился на аббата, держа нож перед собой обеими руками. Хватка неумелая, но вся боль, все унижение и ужас, что пережил малыш вылились в этот удар и клинок в локоть длиной вошел в низ живота монаха по самую рукоять. Взгляд старика замер, дыхание сбилось, он схватил за плечи Ясеня и смотря ему в глаза медленно осел на колени. Нож вышел из живота и остался в руках мальчика. Они несколько мгновений смотрели друг на друга, и вдруг, Ясень нанес удар, которого никто не ожидал. Он ударил снизу вверх, под челюсть, пробил все подбородки, язык и загнал лезвие сквозь небо в мозг своего врага. Глаза монаха вылезли из орбит. Один провернулся и устался внутри черепа, будто хотел увидеть, что это туда воткнулось, а второй съехал вниз. Из рта потекла черная кровь, капая на руки мальчика. Ясень все смотрел на своего врага и не мог отпустить клинок. Вдруг его лицо исказила судорога и мальчика вырвало. Он позеленел и повалился на пол. Турсе удовлетворенно крикнул, выдернул свой нож, вытер его о рясу покойника и заткнул за пояс. Подхватил за рясу мальчишку и понес его обратно на воздух, на свободу. Покойный аббат лишился последних жизненных сил и упал на бок. Из раны под челюстью толчками лилась черная кровь.

– Приступайте к грабежу. Сегодня мы возьмем все и отдадим больше. Кнуд, старый друг, отбери пятерых монахов из грамотных. Гудбранд, ты выбери семерых воинов покрепче, возьмем их с собой. Подарим богам в Упсале. Остальных – убить и развесить на стенах монастыря. Оставьте одного, чтобы было кому рассказать о нас их королю.

Боги были очень щедры к нам. Я не участвовал в выносе сокровищ из монастыря. Этим было кому заниматься. Опыт мне подсказывает, что не может все быть так гладко. Один – шутник, почище Локи. Где-то подвох.

Только я об этом подумал, как услышал вопль одного из наших. Турсе и Эйнарссоны рванули на крик. Я тоже решил проверить, что происходит.

Произошло то, что заставило меня напрячься еще больше. В бухте под монастырем стоял пузатый кнор. Я знаю этот корабль. Это Белая Касатка Орма Кривого. Он сгинул прошлым летом, но мы были спокойны, потому как он был опытным викингем и мог остаться на зиму где угодно.

Один из пленных монахов после недолгих расспросов рассказал, что эту лодку прибило к берегам острова прошлым летом. Она была пустой. Но не полностью, а без людей. Вещи, провизия и оружие остались на местах. Команды не было. Я решил, что корабль могло отнести приливом и где-то команда вместе с Ормом осталась навечно, пока их не подберет кто-то из наших или не убьет. Мы загрузили его тоже. Пойдем медленнее, но зато сможем увезти больше.

Прошло три дня с момента нашей высадки, а мы уже отходили от этого приветливого берега, унося с собой добычу, которой хватит всем на очень долго. Ягге даже начал всем рассказывать, что уйдет от меня и построит свой корабль, соберет себе команду и легко затмит мою славу. Пришлось успокоить наглеца ударом в челюсть. Рука у меня очень тяжелая. Но и башка рыжего тоже. Не прошло и пол дня, как он очнулся. Общим решением оставили Ясеня у себя, как помощника старому Кнуду. Турсе подарил мальчику свой нож. “Негоже мужу без клинка быть” – прогудел тогда великан. И тут я вспомнил, что две зимы назад у Турсе от горячки умер единственный сын. И возраст был тот же что и у Ясеня. Теперь мне стала понятна забота великана о малыше. Думаю, он оставит его себе и вряд ли Ясень откажется. Они прикипели друг к другу.

Все шло слишком хорошо. И внутри меня родилась боль. Это ожидание беды нарастало и становилось все сильнее и сильнее. Чувство опасности угнетало. Я стал раздражительным и злым, в то время как мои воины все веселели и веселели в ожидании скорой встречи с любимыми. Только Кнуд Вороний Клюв мрачнел вместе со мной. Он тоже что-то чувствовал. Единственный глаз его все чаще обращался назад, за корму. Однажды, он подошел ко мне и произнес одно слово, от которого я взмок не смотря на холодные брызги моря.

– Барашки.

– Сколько у нас времени?

– Завтра к ночи нагонит. Мы не успеем дойти. Командуй Торстейн.

– Так! Братья, за нами идет шторм. Он такой силы, что мы еще не встречали. Закрепляйте на палубе все, что можно и молитесь. Ран и Эмир решили поиграть с нами.

Веселье резко оборвалось. Каждый из моей команды знает свое дело и свое место. Мы много раз проходили через такое, но этот шторм обещал быть особенным.

Тучи нагнали нас даже раньше, чем предсказывал Клюв. Ветер, сначала попутный, так резко превратился в ураганный, что мы чуть не потеряли парус, а может быть и мачту. Скорость и ловкость команды спасли корабль. Парус убрали и взялись за весла. Корабль нужно править против волны иначе нас накроет и опрокинет. Привязанный кнор Орма может нас погубить. На нем были все пленники и часть добычи, их мы решили принести в жертву богам моря – Эгиру и его жене, великанше Ран. Перерезали веревку, и Касатка начала метаться и рыть носом в набегающие волны. Над морем разнесся удаляющийся вой десятка пленников связанных и беззащитных перед стихией. Раздался щелчок – это порвался один из канатов. Когда я обернулся, корабля Орма уже не было.

Торсе запел. Мы все любили его песни и его могучий голос. Воины сразу же подхватили песню, принимая ритм для гребли.

Открой свое сердце соленому морю,

Сулящему воину дальний поход,

Туда устремившись по вольным просторам,

Где водная гладь стережет небосвод.

Там верный драккар с головою дракона

Зароется носом в прибрежный песок,

Земель, где не славят могущество Тора,

Но золота много припрятали впрок.

Пусть будет уроком им ярость норманнов,

Со смертью пришедших в чужую страну-

Для викинга битва сладка и желанна,

Вальхалла приветит погибших в бою.

Нет участи худшей, чем смерть от хворобы,

За старостью дряхлой идущей вослед!

Уж лучше в сраженьи погибнуть с почетом,

Чем немощным встретить последний рассвет.

Неведома воину благодать покоя!

Пусть острым останется вечно топор!

Вновь слышится клич сквозь раскаты прибоя:

«Вперед! На драккар! С нами Один и Тор!

Небо все темнело и наливалось свинцом. Вороний Клюв повторял, что ты слишком удачлив и это вызывает зависть богов. Что Эгир всегда рядом, и его жена уже давно распустила сети в ожидании нас.

Вдруг один из гребцов закричал: «Маргюг! Маргюг!!! Боги, нам конец!» Я резко развернулся и приказал грести веселей. За бортом мелькали головы уродцев, очень отдаленно напоминавших людей. Их были сотни. Они раскачивались вместе с волнами и заметно приближались к кораблю. Все мы знаем, что маргюг – это предвестник. Хорошее он несет или плохое, зависит от рыбы в его руках. Если он ее съедает на глазах у людей – быть беде, если играет с ней, а потом отпускает в море – значит, все будет хорошо.

В этот раз творилось что-то невообразимое – маргюгов было больше, чем чаек на берегу рыбацкой деревушки. Они выли, протяжно и высоко, сводя с ума моих людей. На корабле началось сущее безумие. Воины, которые не боялись ничего и никого, которые сражались с всадниками в пешем строю и одерживали верх, испугались уродцев с рыбьими хвостами. А все из-за воя. Он был повсюду. От него из ушей шла кровь, а внутри все подрагивало. Мужики бросали оружие, падали на колени и рыдали кровавыми слезами, пытаясь заткнуть себе уши.

Была ли у чудищ рыба? Была. Она плескалась на поверхности, пытаясь превратиться в птиц и взмыть вверх лишь бы не возвращаться обратно на глубину. Что их испугало? Мы так и не узнаем. Маргюги хватали рыбу, откусывали голову и выплевывали, хватали снова и снова ... Никогда еще, никто не видел такого и не рассказывал об этом. Может, потому и не рассказывал, что некому было.

Наш корабль мотало по волнам. Он больше не принадлежал нам. Даже, старый Клюв упал на задницу, закрыл голову руками и выл, пытаясь спеть свою последнюю песню. Воины метались по палубе, побросав весла, в панике стискивая оружие или сидя на жопках, как мой рулевой. Им не привычно было ждать смерть от чудовищ, а не от честной стали. Я отобрал лук у Ягге и пускал стрелу за стрелой так никого и не ранив. Я никогда не умел бить из лука. “Слепец!” – выкрикнул Ягге и вырвал у меня из лап свое оружие, но было уже поздно.

Визг морских чудовищ стал совсем нестерпимым. От боли в голове начало темнеть в глазах. Вдруг резко все стихло. Ни визга, ни урагана – ничего. Тишина.

Оглох?

Нет. Вот плеск воды о борта, стук друг о друга брошенными веслами, тихое подвывание обезумевших воинов. Не слышно только старого Клюва. А его и нет. Рулевое весло сиротливо болтается, постукивая в такт качке о борт. Что с ним случилось? Не вынес боли и выбросился за борт? Очень может быть. Я и сам с удовольствием бы вывалился.

За бортами, со всех сторон, стало слышно какое-то бормотание. Тут за край ближайшего щита ухватила огромная когтистая лапа и появилась скользкая блестящая макушка твари. Маргюги пришли за нами. Я схватил топор, прислоненный к сундуку, и с размаху опустил его на башку этой мерзкой твари. Но ее череп оказался так тверд, что лезвие лишь скользнуло по нему и обрушилось на руку, торчащую рядом. Я ждал чего угодно, но не такого рева. Он был почти человеческий. Полный боли и ненависти.

За первым чудовищем на корабль посыпались остальные. И началась кровавая бойня. Полуоглушенные воины встретили их достойно, но что они могли поделать против этих детей Эгира. Если волны – это его дочери, что украдкой целуют нас, то – маргюги – это сыновья, что мстят за эти поцелуи и за унижение своих сестер. Враг лез со всех сторон, выстроить людей для обороны я не успел, да они бы и не слышали меня. Эйнарссоны, стоя спиной к спине, отбивались от монстров своими секирами. Но вот один из Маргюгов Оторвал голову какого-то бойца, размахнулся, держа ее за волосы и метнул в одного из братьев. Голова была в шлеме и от удара воин рухнул как подкошенный, второй брат не успел даже понять, что произошло, как был свален на палубу и разорван на части. Это заняло несколько мгновений, но я буду помнить их всю жизнь. Маргюги, не имея

оружия, несли потери, но они быстро сообразили, что если ошеломить противника, метнув в него чем-то тяжелым, то с ним можно быстро разделаться. И над палубой начали летать разные вещи и части тел. Вот рухнул Турсе, странно извернувшись и упав на мешки с провиантом грудью. Так он больше и не встал. Маргюг разорвал на его спине кольчугу, затем спину. Во все стороны брызнула кровь и осколки ребер. Чудовище погрузило лапу в тело моего друга и вырвало его сердце. Я обезумел. Мне вдруг захотелось так же голыми руками разорвать на части этого уродца. Краем глаза я заметил движение справа, резко присел и ушел назад. Это чья-то голова пролетела и вылетела за борт. Понравилось им головы метать.

– Эгировы выbleядки! Идите сюда!

Мои клинки, Хугин и Мунин превратились в мои крылья. Черные крылья, что разрывали маргюгов на мелкие кусочки. Они начали отступать, а я понял, что остался один.

Глава 2. Изгнание.

Человек – хозяин своей судьбы, а не боги. Боги созданы людьми, чтобы давать ответы, которые они сами слишком боятся принять.

Три года спустя...

Это море. Это безграничное, и бесконечное море. Я люблю его. Оно никогда не бывает тем же, что и мгновение назад. Загадочное и ветреное, как молодая красавица, и необъятное, как ее мать. Оно волнует мой дух. Чем выше волны, тем радостней сердце моему. Утром оно тихое, молчаливое, холодное и прозрачное. Свет зари, проникая сквозь соленую воду, достигает дна, распугивает ночные ужасы наших фьордов, спрятавшихся среди камней и бурых водорослей. Свет ловит маленьких ловких рыб, которые драгоценными камнями сверкают со дна. Но все может измениться.

Налетел порывистый злой ветер, и вырвал из морской глади клок пены, капризно бросил на берег. Вода стала мутно-зеленой или даже черной, как вороново крыло. Не видно больше ни рыб, ни камней, ни дна – есть, только обезумевшие волны, которые с силой бросаются на сушу и отступают, унося с собой прибрежный песок, сухие лохмотья водорослей и черные топляки. В такие моменты, я сижу на берегу и только наблюдаю за силой великого Эгира и его детей.

В детстве я думал, что море – великан, с которым я могу посоревноваться, и я бросал в него камни или показывал ему свое мужество, ругаясь и крича на него. Но победа всегда доставалась ему, морю. Оно глушило мой голос и отбрасывало мой камень обратно, на берег. Мои сородичи восторгаются мудростью Одина – отца богов, хитростью Локи – бога, шутника и задиру, красотой Фрейи, но все они боятся и пресмыкаются перед мощью Эгира – бога морей, и его жены – ужасной великаншей – Ран. Они – это море, а море – это жизнь.

А еще оно всегда честно с нами. Вот я смотрю в его гладь и вижу себя. Вижу все свои недостатки, весь свой скверный характер: жестокость, кровожадность, смелость на грани безумия – тяжелый взгляд, человека, привыкшего повелевать. Все это под маской красивого мужчины. Точнее, когда-то я был красивым. Когда-то у меня были длинные золотые волосы и густая борода, умасленная благовониями и расчесанная костяным гребнем, украшенным резными оленями. Льстецы-стихоплеты говорили мне, что мои волосы гуще и красивей, чем у самого конунга Харольда Длинноволосого. Но я знал Харольда. Это лохматый и нечесаный боров. Поэтому мне хотелось вырезать языки за такое сравнение или сломать им пальцы, чтобы они не могли больше бренчать на своих инструментах и сдохли от голода в неизвестности. Я верил, что женщины врагов сами отдаются мне и рады понести от великого воина. Я никогда не убивал женщин и не брал их силой. Это низко для мужчины и недостойно воина.

У меня было все – моя честь, моя отвага, моя сила и моя дружина. Это была вся моя жизнь. Я знал, что это мое по праву силы и по праву родства. Все, чего мне не доставало, я брал мечем. И за это меня уважали и боялись. И завидовали. Моя жизнь. Какой же она оказалась хрупкой...

Все разбилось вдребезги. И сейчас в отражении на меня смотрит грязный, ничтожный трэл, а ведь мне только тридцать зим. Но морю нет дела до меня и моих переживаний. Море – сама Правда.

Море прекрасно всегда. Но, особенно, я люблю его на закате.

Закат.

Еще один.

Сколько их уже встретил я, стоя на этом проклятом берегу? Ожидание конца сводит с ума, и нет ничего хуже.

Идет третий год моего изгнания. Три года я изнемогаю тут в одиночестве. Три года я жду, что найдется воин, способный меня убить. Но нет таких. Боги меня берегут. Там, за косой, в глубине фьорда, старый курган. На этом кургане – кострище. Земля под ним так прогорела, что души сгоревших на нем проваливаются сразу к Хель – в мир мертвых, которым она заправляет. А сам он не успевает остывать и от того весь покрыт клубками змей, греющих свои хладные гибкие тела. Черные гадюки – королевы кургана! Они покрывают его весь. Порой кажется, что он жив и пытается встать, стряхнуть с себя этих гадин. А потом улечься поудобней и снова погрузиться в вековой сон, охраняя покой мертвого война под собой. Вокруг него уже нет деревьев. Все ушли на погребальные костры.

Один за другим ко мне идут воины со всех земель в округе. У них разные цели – забрать доспехи и оружие, перенять мою воинскую удачу (которая, к слову, давно покоится на дне самого глубокого огненного озера в мире мертвых), отомстить за родственника... Последних больше всего. И хоть по закону меня нельзя убивать, пока я не ушел на полет стрелы от своего убежища, всегда найдется тот, кто готов нарушить это правило.

Пока таких было лишь двадцать. Должно быть три десятка. Столько людей, своих людей, я убил в ту темную ночь. Был еще рулевой – Кнуд. Вороний клюв. Старый друг еще моего отца, которого он заменил. Кнуд знал все фьорды в округе, мог с закрытыми глазами пройти весь Каттегат. Он был лучшим кормчим во всем королевстве! Был. Но и он тогда пропал. На суде решили, что я выкинул его за борт, в сети богини Ран. За что я был трижды проклят его женой. Ведь теперь, ему не видать великих чертогов Вальхаллы. Не пить пиво с братьями по оружию и самим Одином. Не сражаться ему в Рагнарек на стороне Асов, плечом к плечу с Одином, молниеруким Тором, богом-охотником Улем и другими. Единственное, что я смог, это на остатки спрятанных мною денег нанять ему

достойных плакальщиц, чтобы все боги и Асы и Ваны, и даже великаны в Йотунхейме – мире йотунов слышали, как горько оплакивают смерть достойного викинга, сына Моря.

Море поглотило не только моих воинов и удачу, но и мою жизнь. Прошло три года, а я до сих пор не помню ни-че-го. Помню, как очнулся от холодной воды, вылитой на меня. Надо мной стояли воины из нашего поселка. Я им был рад, ведь с некоторыми мы вместе росли и занимались борьбой, смешивая пот и кровь. Но на их лицах было только желание убивать. Радость сменилась непониманием, а потом сработали воинские рефлексy, но было уже поздно. Я рванулcя к оружию. Точнее, попытался так сделать, но не смог пошевелиться. Руки были прижаты сапогами к палубе, а мои клинки Хугин и Мунин покоились на плече Убе – десятника. Это он пришил меня к палубе, словно насекомое.

Мои добрые клинки. Целое сокровище и самое дорогое, что было у меня. Оружие для любого мужчины – это его гордость. Будь ты простым бондом-землепашцем или ярлом – викингом, ты должен уметь управиться с топором или мечом. Иначе нельзя. Иначе смерть. Поместье бонда окружали пустоши. Поля, леса, луга и реки. А иногда, и горы. Соседи всегда помогали, случись нападение, но до их прихода еще нужно было продержаться. Всегда поместье или хутор полны трэлей и рабов. Они защищают дом наравне со всеми, ведь в случае чего они или меняют хозяев, или умирают. И второе – чаще случается. Грабеж и разбой на своих землях запрещен, и все об этом знают. Но и кровной вражды никто не отменял, поэтому стычки были и свидетелей со стороны поселения никогда не оставляли. Иначе мой берег бы обрел новых жильцов. И очень много.

Но... вернусь к моим мечам. Они были в крови, запекшейся и почерневшей, а вся палуба оказалась завалена трупами друзей. Мои братья. Мы вместе росли, вместе выживали в самых страшных битвах, а теперь их нет. Остались безжизненные тела, раскиданные изломанными куклами по палубе. На лицах некоторых застыл ужас. Что увидели они в самый последний миг? Что могло посеять страх в душе воина, выжившего не в одной бойне? Почему я ничего не помню? Глухая стена. Рядом с ними должен быть я. Но я здесь, живой. Не знаю где их души. На суде сказали, что почти все они были изрублены. Пали, будто без битвы. Не имели возможности даже сражаться? Мечи были в ножнах или валялись рядом.

Наш жрец сквозь зубы прошипел мне на ухо:

– Ты лишил их права пировать с Богами, и они вечно будут ждать Рагнарек в мрачных покоях Хель. И, когда придет время, и Асы сойдутся в битве с Великанами и детьми Локи, тогда твои друзья придут за тобой на ужасном корабле Нагльфаре, так как проклят ты уже трижды.

Что ж, так тому и быть. В конце концов все решают боги. И если я все еще жив, значит, я им зачем-то нужен. Иногда мне кажется, что я прихожу сюда не только за правдой. Возможно, я прихожу проверить, не замерзает ли море. Ведь Нагльфар построен из ногтей погибших воинов. Он не придет по воде, он придет по льду замерзшего моря. Будь что будет. А пока я буду ждать, сидя на берегу и разглядывая волны прибоя. Волны, которые приносят покой. Может и временный, но другого не бывает. Даже во сне.

Берег изгоев! Место столь же ужасное, сколь и прекрасное. Странное переплетение легенд о духах и о живых. Кто-то даже рассказывал, что тут прятал свои сокровища Ивар Бескостный, младший сын и любимчик Рагнара Меховые Штаны. Но я этому не верю. Давным-давно тут было поселение. Местные жители перерыли все в округе и ничего не нашли. Не было новых золотых или серебряных изделий в округе. Никто не сорил монетами. Жили – не тужили. А потом исчезли. Непонятно только, что с ними случилось. Рассказывают, что поселение вымерло разом. Вчера только там жили люди из плоти и крови, смеялись, любили, ругались, сквернословили и размножались, а на следующий день не осталось никого.

Брошенные дома, битая посуда, детские игрушки и нетронутое оружие. На берегу – брошенное белье, которое стирали бабы. Поселение вело торговлю с соседями. В основном это были рыба, мед, травы и пушнина. Поэтому, когда поселенцы пропали, это стало известно почти сразу и всей округе. Ярл Брага, в то время вождь, кинулся на поиски пропавших. Все дружинники и доброхоты из местных поселений мелким гребнем прочесали леса в округе. Не найдя следов, Брага погрузил дружину на ладьи и прошелся по всем своим врагам и даже местные острова облазил, но тщетно. Ярл привез с собой из Упсалы жрецов. Они все обнюхали, говорят даже, что сожгли детскую игрушку, брошенную там же, пытаюсь найти детей с помощью ворожбы, но ничего не вышло. С тех пор тут никто не селится. Все боятся повторить участь пропавших поселенцев. Зато сюда с радостью изгоняют преступников.

Обычай говорит, что изгнание не может длиться более трех лет и решение об этом принимается только на альтинге, а это совет свободных людей всего

фьорда! Преступнику предоставлялось три безопасных места. Одно – на Голой скале, которая была и правда голой. Ни дерева, ни травы. Единственный источник пищи – чайки и их яйца. Второе – на болотах, к югу от Юке, туда тоже никто не идет. Пищи очень много, но и поймать спиной случайную (или не очень случайную) стрелу очень легко. А третье – тут, на Берегу Изгоев. Вообще, шансы выжить у изгнанных очень высоки. В убежище убивать нельзя и на пути между ними, но при этом, преступник должен уступать дорогу и держаться подальше от встречного, желательно, чтобы расстояние было больше длины копья. Но у нас никогда изгои не доживали до конца своего срока. Они или исчезали бесследно, задранные зверем, или уходили, или их убивали местные жители. Изгнанник терял семью, общину, имя. Он становился никем, и никто не станет из-за него нести бремя кровной вражды. Так место поселения с удобной бухтой и выкорчеванным лесом под посадки превратилось в последнее пристанище изгоев. Не важно, что случилось с прошлыми обитателями этих мест. Теперь тут живу я, и никто и ничто не посмеет прийти ко мне с оружием. Берег Изгоев теперь мой дом.

Вряд ли срок изгнания, указанный на альтинге, когда-то закончится. Меня не пустят обратно. Я проклят навечно. И каждый день тут, на этом каменном берегу, ввергает меня в безумие все больше и больше. Порой я будто бы слышу тихий тонкий смешок за спиной – когда оборачиваюсь, там уже никого нет. Иногда это еле слышные всхлипы. Кажется, что где-то рядом, за деревом, плачет ребенок, уткнувшись в рукав лицом. Я бегу на плач, но... там пусто. Бегал. Раньше. Сейчас, даже если услышу вопль убиваемого, не пойду. Не поверю.

С трепетом я провожаю последний луч солнца и отправляюсь в хижину, что стоит неподалеку. Я лягу спать и снова увижу лица родных и друзей. Я увижу все, вплоть до той проклятой ночи, а потом – тьма и детский плач на грани слышимого. Будь он проклят! И так день за днем, год за годом. Однажды, в одну из таких ночей, я усну навсегда. Память обо мне будет стерта окончательно. Придет следующий изгой, выкинет мои кости и займет мое место. У меня не останется детей, родных, друзей. Никого, кто сказал бы: «А помните нашего Торстейна? Как мы тогда, вместе...» – не будет ни-че-го. Только я и одиночество. И море.

Моя хижина находится в глубине соснового леса, там, где звери не прокладывают своих троп, где деревья так велики и могучи, что не хватит и десятка мужчин, чтобы обхватить их у корней. Хижина раскорячилась покатыми

стенами в переплетении корней двух сосен-великанов, скребущих верхушками небо. Напоминает берлогу. Я никогда не узнаю, кто и когда ее построил. В земле вырыта яма глубиной в половину моего роста. Стены выложены бревнами, которые снаружи давно поросли мхом. Он грязно-бурыми лохмотьями свешивается с крыши землянки и спускается до самой земли, выдавая мое жилище лишь несколькими проплешинами. Окон нет и не было. Вместо них – дыра дымохода, выведенная в глубь папоротниковых зарослей. Так дым почти незаметен, а значит, и меня сложнее найти. Но даже если и найдет кто, подобраться незамеченным не сможет. Вся земля усыпана сухими ветками и утыкана колышками, заточенными моими заботливыми руками. Нижние венцы сруба сгнили и почти превратились в землю, которую они попирают. Пару раз я задумывался о позорной смерти на сене. Завалится землянка, и будет мне курган. Но все никак руки не дойдут укрепить стены сруба. Хотя можно было бы укрепить венцы вертикальными кольями. Совсем обленился...

Утро выдалось не самым приятным. Лапник, что я стелил вместо топчана, давно слежался и усох, а за новым я все никак не схожу, хотя и не занят ничем. Я промерз до костей. В лесу уже опали все листья, и со дня на день я жду первого снега. Из-за холода снаружи, на потолке собирается влага и стекает вниз, превращая утоптаный земляной пол в тонкую скользкую пленку грязи. Еще один способ лишиться жизни от своей неразумности. Но это только если ты от сохи. Мы, воины, привыкли к скользкой от крови палубе. Очаг, что огорожен речными валунами в центре землянки, топлю редко. Я от рассвета и до заката брожу по округе или сижу на берегу, поэтому и обещаю себе, просушить жилье как следует, когда проснусь. И с утра снова ухожу бродить, забывая обо всех своих обещаниях. Ведь я их даю самому себе. А с собой всегда можно договориться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/smerdov_denis/shutka-odina

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)